

Пока Лю Цзань хранил молчание, Цуй Се продолжение за продолжением прочитал наизусть все четыре парных раздела восьмичленного сочинения, выдержанные в строго противоположных, ярких и скрытых параллелях. Завершалась работа величественной похвалой: «Времена года приносят всё для народа, и оттого сказано: когда правитель радуется радости народа, то и народ радуется радости своего правителя».

Хотя слог был выточен с особым старанием и пестрел классическими аллюзиями, благодаря глубокому практическому смыслу статья вовсе не казалась пышной или вульгарной. Вот только подобное стремление уходить от собственного стиля ради угождения экзаменаторам следовало искоренить — нужно поправить его, пока он не привык писать в угоду чужим вкусам!

Лю Цзань высказал своё мнение:

— Сочинения в древнем стиле удаются вам гораздо живописнее, а вот перед злободневными статьями вы словно скованы. На окружном экзамене это ещё куда ни шло, но в дальнейшем, на сянши и столичном экзамене, экзаменаторов назначают в самый последний момент. За пару дней вы даже прочесть их работы не успеете, так как же подстроите свой слог под их вкусы? Впредь пишите так, как привыкли. В ваших статьях строго соблюдаются правила и выдержана единая мысль; пусть слог немного прост, он выглядит строго и чисто. Тот, кто понимает толк в словесности, непременно оценит это по достоинству.

Цуй Се выпрямил спину, склонил голову, принимая наставление, и прочитал наизусть следующее сочинение — «Величественен Вэнь-ван, алый лук натянут», открыв тему тезисом: «Мудрец пребывает в высшем добре, а потому ведаёт ритуалом, музыкой и военными походами».

Эта работа также была написана весьма достойно и строго по правилам, но при этом отличалась высоким замыслом, чистотой и изяществом. Наставления цензор Лю уже давал ранее, поэтому не стал придираться и лишь похвалил удачные места, попутно разъяснив кое-какие классические притчи цянху Се.

Рассуждение во второй части представляло собой лишь малую статью, и при отборе кандидатов этой теме не придавали большого значения: достаточно было писать гладко, выразить собственные мысли и избегать ошибок в аллюзиях. Цензор Лю не стал тратить на неё время и попросил Цуй Се прочесть наизусть последнее сочинение — по теме практических вопросов управления.

А вопрос этот как раз касался ликвидации последствий бедствия.

Сильное землетрясение, произошедшее в столице в начале первого месяца, в той или иной степени затронуло уезды Юнпинской управы. Префект Ван Вэнь знал, что многие ученики, сдающие окружной экзамен, пострадали от бедствия и не имели хороших условий для подготовки, поэтому сделал поблажку в этом задании: кандидатам достаточно было проявить немного внимания к обстановке в своём уезде, чтобы им было о чём написать.

Цуй Се лично участвовал в ликвидации последствий бедствия в уезде Цяньань, поэтому опирался не только на знания из будущего, но и на действия начальника уезда Ци. Он подробно описал, как подавать прошения ко двору о выделении средств на помощь пострадавшим и об открытии государственных амбаров; как уезд организовывал жителей для спасения раненых и сноса аварийных построек; как собирали пожертвования с зажиточных семей на раздачу каши и тёплых вещей; как раздавали лекарства для предотвращения эпидемий и размещали оставшихся без крова в приютах и храмах...

Описал он и последующее восстановление: привлечение народа к работам за еду и плату при ремонте разрушенных домов и дорог; как уездные власти выдавали крестьянам в долг семена и инвентарь, чтобы не сорвать весенний сев; как местное руководство подавало прошения об освобождении населения от трудовых повинностей, летних и осенних налогов, а также поставок фуража и лошадей, давая народу возможность перевести дух.

Эта статья была написана ещё более детально, чем предыдущая, посвящённая борьбе с наводнениями; предложения были тщательно выверены, а слог лился на одном дыхании.

Цензор Лю молча выслушал всё сочинение до конца, и когда заговорил, голос его звучал глухо и серьёзно:

— Землетрясение затронуло и столицу, и Юнпин, и линию Сюаньда. Вы, без сомнения, готовились к этой теме заранее.

Цуй Се держался прямо и спокойно ответил:

— Да. В этом году произошло столь страшное бедствие, и Ваш покорный слуга посчитал, что эта тема обязательно появится на экзамене, а потому заранее составил несколько вопросов и написал по ним сочинения.

Лю Цзань кивнул:

— Эта статья куда лучше той, что была о водопользовании. В ней есть реальная польза и решения, которыми может воспользоваться государь. Раньше я подозревал, что тему прошлой рассудительной статьи вам заранее слили в уезде Цяньань и вы наняли кого-то написать её, но теперь, взглянув на ваши работы с окружного экзамена, у меня больше нет сомнений.

Он поднялся, подошёл к Цуй Се и, положив руку ему на плечо, произнёс:

— Это сочинение написано тем же почерком и слогом, что и ваши толкования канонов. Если бы кто-то писал за вас, он не смог бы передать этот тон. Да и если бы вам слили тему, та работа не вышла бы менее продуманной, чем эта. Я напрасно заподозрил вас.

Цуй Се попытался встать, но рука цензора Лю давила на плечо довольно ощутимо, удерживая его на месте.

Сделав пару невышедших попыток подняться, он решил остаться сидеть и, сложив руки в почтительном жесте, ответил:

— Ваши сомнения вполне естественны. Когда Ваш покорный слуга только прибыл в Цяньань, он не мог сложить и пары строк — господину Се это прекрасно известно. А теперь мне удалось сдать окружной экзамен, так что я и сам порой сомневаюсь, насколько заслужен этот успех.

Лишь тогда на лице Лю Цзаня появилось подобие улыбки, и он сильно хлопнул его по плечу:

— Что за глупости! Вы более чем заслуженно получили это место! Что там окружной экзамен! Когда братец Дай приедет проводить юаньши, если он не сделает вас шэньюанем, я по возвращении в столицу лично потребую с него ответа!

Сердце Цуй Се наконец отлегло, и на лице невольно расцвела улыбка. Опустив голову, он ответил:

— Благодарю за столь высокую оценку, господин цензор! Вернувшись, Ваш покорный слуга продолжит усердно учиться, чтобы как можно скорее послужить на благо двора.

Гений! Истинный гений!

Начальник уезда Ци был прав: такой талант — редчайшая находка. Как же жаль, что в прошлые годы его обучение было заброшено! Иметь такие способности, чтобы всего после года учёбы с лёгкостью выбиться в первые ряды претендентов на звание шэньюаня — кабы он с детства спокойно учился дома, разве не стал бы гением, известным на всю Поднебесную, как Ли Дунъян?

От автора: На самом деле я и сама не знаю, чем так хороша та статья, но она наверняка хороша — просто обязана быть хороша, ведь её автором был Лю Цзычжуань, чжуаньюань времён Чунчжэнь!

Пока цензор Лю всё ещё вздыхал о потерянном времени юного дарования, Се Ин поднялся со своего места, подошёл к нему и спросил:

— Господин цензор, вы закончили проверку?

Голос прозвучал негромко, но именно он прервал поток стенаний Лю Цзяня. Убрав руку с плеча Цуй Се, он обернулся к Се Ину:

— Да, дело расследовано, сочинения проверены. На мой взгляд, начальник уезда Ци совершенно чист, а Цуй Се достоин похвалы за свою верность и преданность. Цяньху Се, есть ли у вас ещё вопросы?

Се Ин произнёс:

— Господин цензор Лю всё выяснил превосходно, у меня вопросов больше нет. Есть лишь одно дело, для которого я хотел бы просить Чжан Гуя сделать кое-какие распоряжения...

Чжан Гуй тут же поднялся и с глубоким почтением отозвался:

— Слушаюсь, господин Се! Жду ваших приказаний!

Се Ин мягко проговорил:

— Господин Чжан, к чему такая сдержанность? Я ведь ничего с вами не сделаю. Наша Цзиньивэй — место вполне разумное, просто наша Северная Чжэньфусы исполняет высочайшие повеления государя, а посторонние, не зная сути, думают, будто Цзиньивэй только и делает, что схватывает да допрашивает людей. На самом же деле верных и преданных подданных, а также честных и умелых чиновников мы в Цзиньивэй искренне уважаем, и если кого из них несправедливо обвинят, мы всегда помогаем восстановить справедливость.

У Чжан Гуя от этих слов едва пот со лба не пошёл. Низко склонив голову, он лишь покорно поддакивал, не смея вставить ни слова.

Се Ин произнёс несколько слов в оправдание своей службы, а затем вздохнул и обратился к Чжан Гую:

— Если даже господин Чжан, имея дело со мной, так дрожит от страха, то каково же простым людям на улице? Услышав, что Цзиньивэй увезли молодого господина Цуя, да ещё и

инспектор-цензор ведёт допрос, разве они не перепугаются до смерти?

Лишь тут Чжан Гуй понял, к чему тот клонит, и поспешно ответил:

— Подчинённый тотчас пошлёт людей успокоить его семью и друзей!

Лю Цзань подхватил:

— Цяньху проявил осмотрительность. Я-то думал только о допросе и совсем позабыл об этом. Ваша Цзиньвэй...

Лучше бы уж они вообще никуда не ходили! Забрать одного человека в управу — значит напугать одну семью, а если явится на постоянный двор, перепугается весь куст кандидатов!

И как тогда проводить юаньши?

Он повернулся к Чжан Гую и сложил руки в поклоне:

— Тогда покорнейше прошу господина Чжан направить людей к землякам молодого господина Цуя с разъяснениями. Проверка его сочинений заняла немало времени, и я вижу, что на улице уже смеркается. Пора бы уже...

— ...пора бы оставить его отужинать с нами, — непринуждённо подхватил Се Ин. — На экзаменах толком ни поесть, ни отдохнуть. Едва завершив все три этапа, он тут же попал к нам на допрос — должно быть, юноша изрядно перенервничал, устал и проголодался. Если отпустить его голодным обратным шагом в постоянный двор, у меня на душе будет беспокойно. Почему бы ему не поужинать вместе с нами?

Цензор Лю слегка удивился, но не стал перечить из-за такого пустяка. Он улыбнулся:

— Что ж, разумно. В будущем он всё равно станет одним из нас, так что считайте, господин Чжан, что мы с вами просто пораньше познакомились с перспективным младшим коллегой.

Чжан Гуй, изнывавший в обществе двух могущественных персон, был искренне рад, что Цуй Се послужит ему щитом. Накрывая стол, он усадил цензора Лю на самое почётное место во главе, цяньху Се — чуть ниже, а сам вместе с Цуй Се расположился сбоку. Всадники в красном из Цзиньвэй пировали отдельно в парадном зале, где пир с ними делили тунпай и цзинли.